

Г. С. Иваненко

Челябинск, Россия

ТРИ МИФА В ВОПРОСАХ ЭКСПЕРТНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО

Статья посвящена спорным вопросам определения субъективного/объективного характера информации в лингвоэкспертной практике. В противовес распространенной практике дифференцировать фактуальные и оценочные суждения, автор настоящего материала предлагает выделять в одной языковой единице объективный и субъективный компоненты смысла, объем и содержание которых являются предметом рассмотрения эксперта. Предлагается отказ от дифференциации объективного и субъективного при помощи формально-грамматического подхода. Доказывается, что утверждение о событиях, представленное как объективное, может быть выражено и вопросительным предложением, и побудительным, и предложениями с предикатами в условном наклонении. Выражается мысль о способности второстепенных членов определять реальную модальность части высказывания. Выделяются два уровня дифференциации субъективного и объективного: когнитивно-концептуальный и лексико-грамматический. Первый, когнитивно-семантический, уровень дифференциации информации на фактуальную и нефактуальную основывается, в свою очередь, на двухуровневом противопоставлении: 1) конкретные/отвлеченные смыслы, 2) внутри конкретных смыслов – четко очерченные/размытые. Вторая оппозиция в рамках дифференциации «утверждение о факте»/«оценочное суждение, мнение» проявляется на лексико-грамматическом уровне. Утверждение противопоставлено предположению. Эксплицитность данной корреляции проявляется в наличии внешних показателей у одной из противопоставленных категорий – у предположений, которые в общих чертах описаны в теории лингвистической экспертизы. Модальность в статье понимается как практически-когнитивная категория, отражающая заложенные в тексте представления об отнесенности описываемых обстоятельств к реальности. От классического понимания модальности настоящий подход отличает ориентированность на обыденное восприятие реципиентов, которое и отражает, на взгляд автора, когнитивную и семантическую структуру языка в ее современном состоянии со всеми скрытыми, возможно, еще не описанными значениями, которые в ходе лингвистической экспертизы и требуется реконструировать. Такое описание возможно только при анализе высказываний с рассмотрением всех аспектов, определяющих вывод: семантики, грамматики, контекста.

Ключевые слова: объективная и субъективная информация, утверждение о фактах, оценка, мнение, предположение.

Сведения об авторе: Галина Сергеевна Иваненко, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики обучения русскому языку Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 454080, Челябинск, пр. Ленина, 69, ЮУрГППУ, кафедра РЯ и МОРЯ. E-mail: gala.april@mail.ru

G. S. Ivanenko

Chelyabinsk, Russia

THREE MYTHS IN MATTERS OF EXPERTISE OF OBJECTIVE AND SUBJECTIVE

The article considers the definition issues of the subjective and objective nature of the information in linguistic expertise. One linguistic unit can combine both objective and subjective components of the meaning. The task of the expert linguist is to separate them taking into consideration the semantics of the utterance, its grammatical features and context. Differentiation of the objective and the subjective needs to take into account the everyday perception of the statements, based on the concept of reality. Two levels are offered to separate the objective and the subjective components of the meaning, one of them is cognitive and semantic, and the other is lexical and grammatical. On the first level concrete meaning is opposed to abstract, as well as clearly marked meanings are contrasted to obscure within concrete meanings. On the second level statement is opposed to supposition. Modality is understood as practical cognitive category which reflects the idea of the text about the link between the reality and the events described in the text.

Key words: forensic linguistic expertise, objective and subjective information, statements about facts, assessment, opinion, supposition.

About the author: Galina Sergeevna Ivanenko, candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Methods of Teaching Russian Language, South Ural State Humanitarian Pedagogical University. SUSHPU, Department of Russian Language and Methods of Teaching Russian Language, Prospekt Lenina, d.69, Chelyabinsk, 454080. E-mail: gala.april@mail.ru

Один из вопросов лингвоэкспертной теории и практики, не теряющий своей актуальности, – дифференциация двух противопоставленных типов информации, правовая квалификация которых является определяющей в ряде судебных процессов, главным образом в делах о защите чести, достоинства, деловой репутации.

Рассмотрение проблемы критериев указанной дифференциации [Баранов 2007; Бринев 2009а; Доронина 2010; Иваненко 2006; Обелюнас 2012; Карагодин 2010] позволило увидеть ее новые грани, но, безусловно, спорных вопросов остается еще очень много. Настоящая статья посвящена некоторым из них. Для структурирования материала, обострения полемики и обозначения собственной позиции назовем те положения, с которыми мы вступаем в дискуссию, мифами. Специфика сферы лингвистической экспертизы заключается в том, что каждый экспертный текст является научным исследованием, выражающим те или иные теоретические установки, на которые опирается автор: теория и практика формируются параллельно. «Единогласно принятые» методики в этой нише пока отсутствуют, а возможно, и не могут быть установлены в силу острой дискуссионности вопроса о корреляции субъективного и объективного. Поэтому мифы в настоящем материале – это то, с чем не согласен автор настоящей статьи и с чем он сталкивается в ходе экспертной практики. Мифы распространены, но, конечно, не повсеместно приняты.

Предварительные замечания. Оговорим, какой смысл вкладывается в номинации *субъективное* и *объективное* в настоящем материале.

Во-первых, речь идет не о реальной соотнесенности содержания текста с объективной действительностью в аспекте правда / неправда, а о позиционировании представленной в тексте информации как объективной или как субъективной (субъективные и объективные компоненты смысла).

Во-вторых, текст и его информационные составляющие рассматриваются нами не с позиций адресанта, а с позиций адресата речевого сообщения. При таком подходе в ходе анализа текста выявляются не мотивы и побуждения автора, а извлекаемый читателем или слушателем смысл.

Сформулируем основную идею, определяющую последующие положения статьи: в лингвистической экспертизе необходимо разграничить не субъективные и объективные высказывания, а субъективные и объективные компоненты их смысла.

Отметим, что в законодательстве противопоставлены не конструктивные, не формально-грамматические, а информационные составляющие: «...следует различать имеющие место утверждения о фактах <...> и оценочные суждения, мнения, убеждения...» [Постановление 2005]. Игнорирование данного обстоятельства приводит к упрощенным толкованиям предложения в целом как утверждения или мнения без различения, какие именно компоненты структуры выражают информацию как субъективную, а какие – как объективную. Например, трактовка: «Указание на отношение сообщаемой информации к своей модели мира как раз и оказывается способом включить пропозицию в систему убеждений, предположений, оценок и т. д. говорящего. Действительно, говоря *По моему мнению / как мне кажется / представляется / по-видимому, вся гениальность Паратова как бизнесмена сводится к организации липовых аукционов и незаконной приватизации огромных кусков государственной собственности, мы ссылаемся на свою систему представлений о действительности*» [Баранов 2013: 32–33], по-видимому, означает, что лингвист относит приведенное высказывание к категории мнений. Хотя далее по тексту следуют примеры, в которых выделяются эксплицитные и имплицитные утверждения [Баранов 2013: 43–44], и выдвигается тезис об отнесенности полученных в результате грамматических трансформаций смыслов к скрытым утверждениям. Полагаем, в настоящем предложении разные компоненты смысла по-разному относятся к действительности:

1) имеет место организация (P) Паратовым (S) липовых аукционов и незаконной приватизации огромных кусков государственной собственности – информация представлена как объективная (второстепенные члены предложения формируют пропозицию с семантическим субъектом (S) и предикатом (P): *организация* – отглагольное существительное, сообщающее о действии; *сводится* – синонимы *ограничивается, проявляется* только чем-либо (*его работа ограничивается подписью документов = он только подписывает документы*);

2) говорящий оценивает описанные действия Паратова как *единственное проявление его гениальности* – информация представлена как субъективная, то

есть говорящий допускает, что у Паратова могут быть и другие проявления гениальности, но он (говорящий) их не видит.

Квалификация высказывания (предложения) целиком как утверждения или как мнения является источником противоречивых выводов. По-видимому, деление высказывания на пропозиционные блоки, соотносящие все содержащиеся в тексте семантические субъекты с их семантическими предикатами, как регулярная и обязательная, а не факультативная процедура в ходе лингвистического анализа, обезопасит нас от неоправданных обобщений.

Миф первый: понятие «утверждение о факте» и понятия «субъективное мнение», «оценка», «предположение» коррелируют на одном логическом основании. Обозначенная корреляция определена правовым дискурсом: появившееся в Постановлении Пленума Верховного Суда от 24 февраля 2005 года, она прочно вошла в лингвоэкспертную теорию и практику; именно к обозначенной дифференциации информации должен прийти лингвист в результате исследования. Как представляется, правовая корреляция *утверждение о факте – мнение* в лингвистическом аспекте включает две оппозиции: 1) информация о факте / не о факте; 2) утверждение / не утверждение. В [Иваненко 2006] выделяются виды фактуальной и нефактуальной информации, отдельно рассматривается оппозиция предположение / утверждение. Идеи двухуровневой дифференциации развиваются, в частности, в [Иваненко 2006а; 2010; 2012]. В настоящем материале коллегам предлагается дуальная система корреляции, требуемой законодателем, по различным, не связанным и градуально не выстроенным параметрам: семантическому и грамматическому. Относительно уровней языка первая оппозиция базируется на анализе лексики в семантическом аспекте, вторая – на анализе синтаксиса и лексики в ее грамматических, синтаксических связях.

Первую оппозицию предлагаем назвать **когнитивно-концептуальной: фактуальная информация / нефактуальная**. Ни одна из противопоставленных категорий не проявляет себя каким-либо маркером, отсутствуют формальные

показатели дифференциации. Отнесение к той или иной группе базируется на семантическом анализе.

Семантическая дифференциация информации на фактуальную и нефактуальную основывается, в свою очередь, на двухуровневом противопоставлении: 1) конкретные / отвлеченные смыслы, 2) внутри конкретных смыслов – четко очерченные / размытые.

1) **Конкретные / отвлеченные** смыслы в теории и практике лингвистической экспертизы, как и в естественном языке, различаются отнесенностью к миру объективного или к миру субъективного. Критерий конкретности – соотнесение номинации с чем-либо видимым, слышимым, осязаемым, фиксированным, внешне проявленным (*подписать, уволить, продать, купить, присутствовать*). Критерии отвлеченности – соотнесение номинации с явлением, еще не имевшим места в действительности, а только желаемым, или оценка тех или иных обстоятельств, личностей, фактов (*желать, планировать, надеяться, сожалеть, мечтать*).

Рассмотрим пример: *Парламентариев крайне возмутили налоговые схемы, используемые руководством предприятия*. В составе данного предложения глагол *возмутили* указывает на эмоциональную реакцию парламентариев – этот компонент смысла указывает на отношение, которое отвлеченно и вдвойне субъективно: выражает реакцию неких лиц в описании этой реакции автором текста. Смысловой же компонент ‘руководство предприятия использует налоговые схемы’ констатирует конкретную, обладающую внешними признаками ситуацию, имевшую место в действительности, согласно представленной формулировке.

Отвлеченные смыслы в рассматриваемых конфликтных материалах можно разделить на следующие группы:

1) **оценочные** – выражение оценок событий, явлений, лиц: *хорошо, плохо, замечательно, отлично*;

2) **деонтические**, проявляющиеся в категориях долженствования, намерения, побуждения (просьба, совет, приказ или предписание): *должен, обязан, нужно, необходимо, следует;*

3) **ментальные:**

– **эмотивные** – сообщение о чьих-либо чувствах: *радоваться / радость, счастье, страдать, переживать, чувствовать, несчастье, горе, беда;*

– **рациональные** – сообщение о чьих-либо мыслях, выражение состояний, направленных на будущее: *надеяться / надежда, намереваться / намерение, планировать / план, намечать, ждать / ожидание, стремиться / стремление, рассчитывать / расчет.*

Отвлеченные смыслы образуют субъективный компонент информации.

Конкретные компоненты семантики языковых единиц также можно разделить на две группы, противопоставленные по содержанию денотата: с **четко очерченным, или таксономическим, денотатом** (*не выплатил, присвоил, перевел на счет, заключил договор, собственник, сотрудник, директор, был осужден по статье, подозреваемый, уволить*) / с **размытым денотатом** (*оказать воздействие, влиять, отреагировать, возможности*). Названные термины мы употребляем вслед за Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1980] для обозначения слов, денотат которых возможно / невозможно однозначно соотнести с одной конкретной сущностью реальной действительности, а следовательно, верифицировать.

Единицы с **размытым денотатом** можно разделить на группы.

1) Слова и выражения с **субъективно** определяемой референцией, для каждого конкретного говорящего наполненные собственным смыслом, не тождественным для различных людей: понятия *счастье, несчастье, успех / неуспех, благополучный / неблагоприятный, свобода, свободный, прогресс, деградация. Он сделал ребенка неудачником* – говорит мать о воздействии отца на мировоззрение ребенка, избравшего любимую, но малооплачиваемую работу. По-видимому, участники конфликта по-разному понимают удачу – такие

высказывания являются субъективными: их невозможно ни доказать, ни опровергнуть. То же: *X душитель свободы, X подавляет справедливость*.

2) Слова и выражения, которые обозначают **сложное понятие**, сложное в смысле составленности из череды различных или варьирующихся компонентов. Например, невозможно однозначно определить, что значит *использовать административный ресурс*, какие именно действия попадают под эту номинацию.

3) Слова и выражения, обозначающие понятия без видимых внешних признаков или допускающие невидимость этих признаков, а следовательно, не имеющие критериев верификации: *Директор старается развалить школу*. Какие именно действия директора в данном случае могут подтвердить или опровергнуть, что он *старается*?

Конкретность / размытость денотата зависит от того значения, в котором употреблено слово, что, в свою очередь, определено контекстом:

– *он использовал лопату* – значение глагола *использовал* определяется конкретной, таксономической семантикой существительного *лопата*;

– *он использовал власть* – значение глагола *использовал* определяется отвлеченной семантикой абстрактного существительного *власть*: денотат размытый, конкретные формы и средства осуществления обозначенного действия не определимы, а потому не верифицируемы.

Таблица № 1. Когнитивно-семантическая классификация выражаемых смыслов:

Смыслы					
Конкретные		Отвлеченные			
Четко очерченные	Размытые	Деонтические	Ментальные		Оценочные
			Эмотивные	Рациональные	
Объективные (Фактуальные)		Субъективные (Нефактуальные)			

Вторая оппозиция в рамках дифференциации «утверждение о факте» / «оценочное суждение, мнение» проявляет себя на **лексико-грамматическом** уровне. **Утверждение** противопоставлено **предположению**. Эксплицитность данной корреляции проявляется в наличии внешних показателей у одной из

противопоставленных категорий – у предположений, которые в общих чертах описаны в теории лингвистической экспертизы. Общеизвестно, что маркерами предположения являются 1) вводные конструкции и предикаты а) выражающие различную меру уверенности, б) указывающие на источник информации; 2) частицы *ли, разве, неужели* в вопросительных предложениях. Роль показателей группы б) по ряду вопросов требует отдельного рассмотрения [Иваненко 2012], но очевидно, что конструкции типа «как считает Петров» имеют высокий потенциал предположительности.

Итак, правовая оппозиция «утверждение о факте» (группа I) / «субъективное мнение, суждение, оценка» (группа II) в речи проявляется как пара коррелятов: на семантическом уровне как противопоставленность фактуального и нефактуального, на уровне лексико-грамматическом – как противопоставленность утверждения и предположения. Правовой категории *утверждение о факте* (I) соответствуют только те компоненты смысла, которые имеют четко очерченный (таксономический) денотат и не соотносятся с маркерами субъективности.

Таблица № 2. Дифференциация противопоставленных групп информации:

		Когнитивно-семантический критерий дифференциации	
		Фактуальная информация	Нефактуальная информация
Лексико-грамматический критерий дифференциации	Утверждение	I	II
	Предположение	II	II

Миф второй: о дифференциации объективной и субъективной информации по грамматическим признакам предложения и предикативной основы.

В работах по теории лингвистической экспертизы доминирует, как представляется, неоправданное отождествление утверждения как когнитивно-прагматической категории и утверждения как грамматической формы представления информации.

Так, в монографии А. Н. Баранова «Лингвистическая экспертиза текста» дано такое определение: «Утверждение – это вербально передаваемая кому-либо информация о том, что из нескольких возможностей имеет место некоторая одна, причем говорящий в той или иной степени берет на себя ответственность за сообщаемое, а сама информация передается в **грамматической форме повествовательного предложения**, допускающего истинностную оценку (верификацию), которое реализуется в различных синтаксических позициях (и в функции простого предложения, и в составе сложного) **со сказуемым в индикативе** и не соотносится в явной форме с субъективными представлениями говорящего о действительности» [Баранов 2013: 32]. В настоящем случае предлагаем обсудить выделенные нами фрагменты определения, раскрывающие проблему грамматических средств выражения утверждения.

В «Памятке для лингвистов-экспертов» грамматическая детерминированность утверждения определенными типами предложения и предиката представлена как очевидная: вопросительным предложениям, за исключением вопросительно-отрицательных предложений и риторических вопросов, отказывается в способности выражать суждение [Горбаневский 2004: 24]; утверждение понимается как грамматическая категория и связывается с грамматической формой повествовательного предложения [Горбаневский 2004: 31]. Согласно исследованию Н. В. Обелюнас, при дифференциации утверждений о факте и мнений «...фактически экспертами используется один признак – грамматическая форма повествовательного предложения» [Обелюнас 2012: 14]. Проводимый нами анализ структуры и методик лингвистических исследований подтверждает этот вывод.

Однако утверждение как сообщение о событии, как констатация факта – категория когнитивно-прагматическая, информационная, а не грамматическая. В теории речевых актов к числу базовых иллокутивных актов относятся *констатив*, коммуникативно-интенциональное содержание которого

заключается в утверждении. Констатив в рассматриваемом аспекте, безусловно, как и все в языке, выражается определенными формальными средствами, которые не ограничены жестко ни формой предложения по цели высказывания, ни грамматической формой глагола, выражающего предикат.

На наш взгляд, когнитивное понятие **утверждение** (о факте, событии) **следует освободить от связи с грамматической формой** в аспекте противопоставления повествовательного предложения побудительному и вопросительному, а предложения с предикатом в изъявительном наклонении глагола – предложениям с предикатом в повелительном или условном наклонении. Предлагаем такое определение:

Утверждение о факте в сфере лингвистической экспертизы – это сообщение о событиях и признаках как о имевших / имеющих место в реальной действительности. Утверждение о факте определяется по двум параметрам: сематическому и грамматическому. **Семантически** утверждение о факте выражается языковыми единицами с конкретной семантикой, однозначно соотносящимися сигнификат с денотатом. **Грамматически** утверждение о факте выражается различными средствами и содержится в предложениях различных типов по цели высказывания, с предикатами во всех наклонениях, не только главными, но и второстепенными членами предложения. Утверждение порождается соотносением семантического субъекта со связанным с ним семантическим предикатом. Для квалификации сведения как утверждения важна грамматическая квалификация не всего предложения, а тех средств, которые формируют конкретный смысл.

Для обоснования своей позиции обратимся к лингвистическим понятиям актуального членения предложения, пропозиции и пресуппозиции.

Из теории актуального членения предложения [Матезиус 1967: 239–245] следует, что деление на тему (старое утверждаемое) и рему (новое сообщаемое) не совпадает с делением членов предложения на главные и второстепенные, а также что и в побудительном, и в частно-вопросительном предложении присутствует констатирующий элемент смысла [Ковтунова 1976]. Идея

сочетания в частно-диктальном вопросе запроса информации с утверждением информации содержится и в [Русская грамматика 1980].

Перенесем теорию актуального членения на юрислингвистическую теорию и практику: частно-диктальный вопрос как синтаксический конструкт содержит утверждение о каком-либо факте и вопрос о каком-либо аспекте, связанном с утверждаемой частью информации, например:

Как / когда / с чьей помощью главе огромного предприятия удалось спрятать от налогов и от собственной бухгалтерии такую огромную сумму?

В вопросительных предложениях такого типа рему образуют вопросительные слова и выражения *как? когда? с чьей помощью?*, побуждающие сообщить информацию о времени, способе совершения действия, других его признаках. Само же действие показано как уже осуществленное. Оно описано всей остальной частью предложения – темой, или утверждаемой частью сообщения.

Аналогичную картину наблюдаем и в побудительных предложениях: собственно побуждение, то есть призыв к воплощению в реальность чего-то пока еще не существующего, потенциального, представляют собой не все компоненты высказывания, например:

Поинтересуйтесь биографией X, создавшего свою империю на ворованных деньгах от своего криминального прошлого.

Побуждение к действию – рему – выражает компонент *поинтересуйтесь*. При этом тема ‘*X создал свою империю на ворованных деньгах и имеет криминальное прошлое*’ представляет собой сообщение о свершившемся событии (событиях).

Таким образом, используя теорию актуального членения предложения в лингвоэкспертной практике, можно определить, какой компонент синтаксической конструкции реализует собственно вопросительную и побудительную прагматику, а какой содержит сообщение о событии, то есть утверждение о факте.

В европейской и американской лингвистике с 60-х годов XX века, а с 80-х и в отечественном языкознании в работах [Арутюнова 1976; Кацнельсон 1984; Падучева 1985; Кобозева 2009] активно используется понятие пропозиции. Вслед за Расселом [Рассел 1999] под пропозицией понимают не грамматическую, а информационную сущность. В свете поиска методических экспертных подходов, в теории пропозиции концептуально значимое – признание способности одного предложения передать несколько информационных посылов. Так, рассмотрим предложение:

Не ошибитесь, когда будете выбирать между порядочным инженером Синякиным и жуликом Ахримеевым, не оплатившим десяткам поставщиков их продукцию.

Пропозиция 1: адресата побуждают не ошибиться (утверждение о свершившемся событии отсутствует).

Пропозиция 2: адресат будет делать выбор – действие будет иметь место в действительности, но на настоящий момент оно не является свершившимся событием (предположение-прогноз).

Пропозиция 3: Синякин – инженер (утверждение о факте).

Пропозиция 4: Ахримеев – не оплатил десяткам поставщиков их продукцию (утверждение о факте).

Как видим, выраженные в предложении блоки информации имеют разное отношение к действительности.

В предлагаемых подходах к лингвистическому анализу конфликтных высказываний представляется значимым понимание пресуппозиции как содержащегося в семантико-синтаксической структуре текста соотнесения семантического субъекта и его признака (процессуального или призначного, в активе или пассиве). Например, во фразе: *Не вызывает ли сомнение причина выплаты Николаенко в конце прошлого года премии в 10 млн.?* – словосочетание *выплата (кому?) Николаенко* выражает отношения пассива: *Николаенко* (семантический субъект) + *выплата* (отглагольное

существительное, выражающее значение процессуального предиката) = *Николаенко есть объект действия «выплатить».*

Пришедшее из логики в практику лингвистического анализа понятие пресуппозиции имеет широкий круг значений [Арутюнова 1973: 89]. В свете обсуждаемых в настоящем материале проблем представляются значимыми как минимум два из них.

Во-первых, трактовка пресуппозиции как информации, содержащейся в высказывании в качестве основы для его понимания. В одном из значений пресуппозиция по смыслу тождественна тому понятию, которое в теории актуального членения называется темой. Например, *помощник депутата Большакова сказал, что...* Пресуппозицией (темой) является существование депутата Большакова и его помощника, который что-то мог сказать.

Во-вторых, логико-лингвистический феномен пресуппозиции в значении «общие знания людей об окружающем мире» [Падучева 1977] обращает лингвистику в русло обыденного сознания, от которого она часто так активно стремится отмежеваться, но к которому ее толкает проза лингвистической экспертизы, призванная реконструировать именно обыденное, типовое восприятие текста.

Одна из логических обыденных пресуппозиций – понимание некоторой условности всего сказанного, отнесенного к плану будущего. Сообщение о еще не свершившихся, относимых говорящим к плану будущего событиях может быть передано различными грамматическими средствами:

1) глаголом в форме будущего времени: *в следующем году предприятие не сможет выйти на новый виток развития;*

2) глаголом в форме настоящего времени со значением будущего с маркером темпоральной отнесенности – лексемой со значением будущего: *Что поделаешь? Через пару месяцев мы явно идем в минус.*

3) инфинитивом с темпоральным значением будущего: *С таким руководством идти предприятию под откос.*

Несмотря на то, что говорящий во всех случаях выражает уверенность в негативном пути развития событий, с точки зрения логических пресуппозиций (житейского опыта) понятно, что любое сообщение о будущем – в каком-то смысле предположение, пусть с максимально высокой степенью вероятности. В то же время есть языковые средства, способные представить ту информацию, которая отнесена к плану будущего, как соотносимую с уже имевшей место в действительности, и тогда высказывание выражает смысл: так, скорее всего, будет, поскольку так уже было. Языковыми средствами «констативации» грамматической формы будущего времени являются:

1) частицы со значением тождества (*и, тоже, также*): *Мэр поможет с тендером (1) и в этот раз (2)*;

2) придаточное со значением сопоставления: *Мэр поможет с тендером (1), как это уже было (2)*;

3) сопоставительный оборот: *Мэр поможет с тендером ООО «МАКС» (1), как АЭЛИТе (2)*;

4) отдельное предложение, выражающее указание на тождество ситуаций: *Мэр, по-видимому, поможет с тендером (1). Так уже было (2)*.

В приведенных примерах значение **констатива** собрано из компонентов (1) и (2), которые, будучи связанными синтаксически, порождают третий смысл, берущий содержание одного и форму другого:

- компонент (1), сообщающий о будущем, выражает *содержание* констатива, но сам констативом не является, так как форма будущего времени относит событие к категории несвершившихся;

- компонент (2), сообщающий об имеющем место тождестве, отсылает к прошлому, в котором такое событие уже имело место, придает сообщению *форму* констатива.

Порождаемый смысл: *Мэр в прошлом сделал (1)*.

Традиция теории лингвистической экспертизы связывать способность предложения выражать сообщение о событии как о реальном с определенными грамматическими категориями основана на представлении о ведущей

семантической роли грамматической основы в выражаемом предложением смысле. Работа со спорными текстами показывает, что как минимум применительно к сфере правовой конфликтности это не так. Существенные компоненты семантики высказывания могут не занимать позиции грамматической основы, но при этом быть выделенными другими средствами, например, обособлением. Впрочем, выделение подчеркивает, но не порождает констатив. Назовем выделенные в спорных текстах позиции констативов:

1) позиция необособленного и обособленного приложения: *Когда этот взяточник Нечипоренко уйдет со своего поста? Что можно сказать о Кондратюке(S) – последнем криминальном острове и острове 90-х (P) в нынешнем совете директоров?*

2) позиция необособленного и обособленного определения, выраженного причастным или адъективным оборотом: *Как главный врач(S) больницы намеревается выполнять государственные квоты, отобранные(P) им(=S) у больных?*

3) обособленное обстоятельство, выраженное деепричастным оборотом: *Попробуйте сдвиньте с места этого человека(S), который(=S), опустошив(P) кассу одного предприятия, переходит на другое!*

Во многих случаях второстепенный член или придаточное предложение выражают объективный компонент смысла при субъективности смысла, выражаемого предикативной основой главной части, если характеризует существующий в реальности объект. Так, в приводимых далее предложениях смыслы, формируемые предикатами, субъективны; но в (1) речь идет о будущем, еще не сформированном, но моделируемом высказыванием; во (2) – о конкретном человеке, обстоятельства биографии которого представлены как объективная реальность:

1) *Давайте подготовим депутата, способного / который способен самостоятельно мыслить.*

2) *Давайте исключим из списков кандидата в депутаты X, отсидевшего / который отсидел 5 лет за мошенничество.*

Миф третий: метафоры относятся к категории субъективных высказываний.

Понимание двуплановой природы языковой единицы помогает решить вопрос с квалификацией образных выражений, метафор, фразеологизмов. Методики извлечения объективных смыслов из подобных выражений разрабатываются в теории лингвистической экспертизы [Баранов 2013: 71–116], однако в экспертной практике продолжают встречаться утверждения, что все метафорическое заведомо субъективно и не может выражать объективной информации. Так, например, в лингвистическом заключении [Щурова 2011: 7] наименование матери словом *кукушка* в связи с метафоричностью признается оценочным, следовательно, отнесенным к категории субъективных мнений без фиксации номинативно-констативной стороны значения. Фактуальная сторона метафоры как дуальной сущности не рассматривается. В другом заключении эксперта [Смусева 2015] о лексемах *секта*, *шарлатанка*, *мошенница* говорится, что они выражают информацию «в виде утверждения и являются выражением авторского мнения в форме оценочного суждения» [Смусева 2015: 8, 9, 12]. В аспекте рассматриваемой проблемы существенен даже не сам вывод, а его выведение из наличия оценочных компонентов смысла приведенных номинаций. Подобная логическая схема нередко используется в исследованиях: наличие оценочности, образности, экспрессии как коннотативных составляющих языковой единицы дает основания для ее характеристики как оценочной, из чего делается вывод об отнесенности к субъективной информационной группе. Денотативная составляющая номинации остается при этом вне рассмотрения. Металогическое наименование предмета, события, поступка построено по определенной модели: слово с наименования чего-либо конкретного переносится на основании сходства по какому-либо признаку на другой объект. Но денотат обозначения не меняется. В семантической структуре образных выражений различных типов, согласно их внутренней форме, в обязательном порядке присутствует коннотация. Вопрос в том, каков денотат: содержит ли он номинативно-констативную сущность или же она

полностью подавлена коннотацией; и если констатив имеет место, то какой он природы.

Если денотат по своей внутренней природе конкретен, то метафора в образной форме обозначает сообщение о событиях, «*соответствие действительности которых можно проверить*», согласно законодательной формулировке, например: *Призвать «дымящего монстра» к ответу пытались и профессиональные экологи с правозащитниками*. Существительное *монстр* указывает объективно на материальный объект и субъективно-образно представляет его опасным и страшным; эпитет *дымящий*, напротив, денотативно наполнен, так как соотносится с понятием *дымить* и указывает на осуществление этого действия. То есть в одной характеристике выражены а) сведение о том, что завод дымит, представленное как объективное; б) образное сравнение завода с монстром, выражающее субъективное представление автора, что он чудовище.

Дифференциация информации, представленной как субъективная и объективная, осуществляется на различных языковых уровнях. Так, некоторые синтаксические модели, обозначая крайние точки возможных интерпретаций, предполагают множественность трактовок и не утверждают ни одну из них, что является признаком субъективности информации, например: *Это могло быть что угодно: от недосмотра до намеренного убийства. «Политика мэра в “арбатской” проблеме, что грозит завершиться котлованом и разрухой, как минимум, поразительно нелогична. Как максимум — превращается в попытку банальной наживы, автоматически становясь новым поводом для пристального интереса со стороны правоохранительных органов». Все возможно: само загорелось или сосед поджег*. Макроконтекстными показателями субъективности высказывания в целом могут быть жанрово-стилистические и дискурсивные факторы, например, жанр научной статьи, в которой все положения по законам дискурса – мнение автора, сложившееся по результатам исследования.

Таким образом, в лингвоэкспертной практике следует учитывать, что в одной языковой единице могут совмещаться объективный и субъективный компоненты смысла, регулярное и обязательное выделение которых избавит нас от неоправданных обобщений. При проведении лингвистической экспертизы продуктивен отказ от формально-грамматического подхода к дифференциации объективного и субъективного и анализ высказываний с рассмотрением всех аспектов, определяющих вывод: семантики, грамматики, контекста. Дифференциация объективного и субъективного с учетом обыденного восприятия высказывания, основанного на представлениях о реальности, приближает экспертные выводы к реальному восприятию реципиентов, которое в ходе лингвистической экспертизы и требуется реконструировать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике. Известия АН СССР, Серия литературы и языка, 1973. Т. XXXII. № 1.
2. Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения. Аспекты семантических исследований. М., 1980. URL: <http://mir.zavantag.com/filosofiya/883958/index.html?page=26>
3. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза: теория и практика. М., 2007.
4. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул, 2009.
5. Горбаневский М. В. (ред.). Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсульттов. М., 2004.
6. Доронина С. В. Эпистемические функции коммуникативных ходов в рамках речевой стратегии дискредитации. Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2-2. С. 107–111.
7. Иваненко Г. С. Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации. Челябинск, 2006.
8. Иваненко Г. С. Грамматическая категория модальности в ее отношении к действительности. Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2006а. № 3. С. 98–108.

9. Иваненко Г. С. Объективная и субъективная информация в контексте лингвистического исследования по процессам о защите чести и достоинства. Юрислингвистика – 10: Лингвоконфликтология и юриспруденция. Барнаул – Кемерово, 2010. С. 214–221.

10. Иваненко Г. С. Утверждение о факте: форма и содержание. Вторая интернет-конференция по юрислингвистике и судебной лингвистической экспертизе «Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юриколингвистическая герменевтика» – 2012. URL: <http://konference.siberia-expert.com>

11. Иваненко Г. С. Вторичный текст как источник правового конфликта. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6(17). С. 54–58.

12. Карагодин А. А. Первая Интернет-конференция по юридической лингвистике «Право как дискурс, текст и слово» / Форум / Сообщение от 08.01.2011. URL: <http://konference.siberia-expert.com/forum/7-21-1>

13. Кацнельсон С. Д. Речемыслительные процессы. Вопросы языкознания. 1984. № 4.

14. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2009.

15. Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.

16. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения. Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 239–245.

17. Обелюнас Н. В. Конфликт интерпретаций текстов в аспекте оппозиции событийной и оценочной информации (на материале текстов российских СМИ): автореферат дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012.

18. Падучева Е. В. Понятие презумпции в лингвистической семантике. Семиотика и информатика. 1977. № 8.

19. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.

20. Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск, 1999. С. 109–145.

21. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» (№ 3, от 24 февраля 2005 года).

22. Русская грамматика: научные труды в 2-х тт. М., 2005. Т. 1, 2.

23. Смусева А. Е. Заключение эксперта от 01.04.2015 № 615/09-2 Волгоградской лаборатории судебной экспертизы Министерства юстиции РФ по гражданскому делу № 2-457/2015.

24. Щурова И. В. Заключение специалиста от 23 марта 2011 г. Материалы уголовного дела № 1-3/11, г. Курган.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. The concept of presupposition in linguistics [Ponyatiye presuppozitsii v lingvistike]. *Izvestiya USSR Academy of Sciences, Series of literature and language*. 1973. Vol. XXXII. № 1.
2. Arutyunova N. D. To the problem of functional types of lexical meaning. The semantic Aspects of the research [K probleme funktsionalnykh tipov leksicheskogo znacheniya. Aspekty semanticheskikh issledovaniy]. Moscow, 1980. URL: <http://mir.zavantag.com/filosofiya/883958/index.html?page=26>
3. Baranov A. N. Linguistic expertise: theory and practice [Lingvisticheskaya ekspertiza: teoriya i praktika]. Moscow, 2007.
4. Brinev K. I. Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise [Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza]. Barnaul, 2009.
5. Gorbanevsky M. V. (ed.). Memo on the [commission of forensic expert assessment: intended for](#) judges, investigators, interrogators, prosecutors, experts, lawyers and legal advisers [Pamyatka po voprosam naznacheniya sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy: Dlya sudey, sledovateley, doznavateley, prokurorov, ekspertov, advokатов i yuriskonsultov]. Moscow, 2004.
6. Doronina S. V. Epistemic functions of communicative moves in the framework of the speech strategies of discredit [Epistemicheskiye funktsii kommunikativnykh khodov v ramkakh rechevoy strategii diskreditatsii]. *News of Altai State University*. 2010. № 2-2. P. 107–111.
7. Ivanenko G. S. Linguistic expertise in the [proceedings on](#) protection of honor, dignity, [and](#) business reputation [Lingvisticheskaya ekspertiza v protsessakh po zashchite chesti, dostoinstva, delovoy reputatsii]. Chelyabinsk, 2006.
8. Ivanenko G. S. Grammatical category of modality in its relation to reality [Grammaticheskaya kategoriya modalnosti v eye otnoshenii k deystvitelnosti]. *Vestnik of Chelyabinsk state pedagogical University*. 2006a. № 3. S. 98–108.
9. Ivanenko G. S. Objective and subjective information in the context of linguistic research [of the proceedings](#) on the protection of honor and dignity [Obyektivnaya i subyektivnaya informatsiya v kontekste lingvisticheskogo issledovaniya po protsessam o zashchite chesti i dostoinstva]. *Jurilinguistic – 10: Linguoconceptology and law: interuniversity collection of scientific works*. Kemerovo; Barnaul, 2010. S. 214–221.
10. Ivanenko G. S. Statement of fact: the form and content [Utverzheniye o fakte: forma i sodержaniye]. *Proceedings of the Second Internet conference on jurilinguistics and forensic*

linguistic examination «Jurilinguistic: forensic linguistic expertise, linguoconceptology, juridicolinguistic hermeneutics» – 2012. URL: <http://konference.siberia-expert.com>

11. Ivanenko G. S. Secondary text as a source of legal conflict [Vtorichnyy tekst kak istochnik pravovogo konflikta]. Philological Sciences. Issues of theory and practice. 2012. № 6 (17). Pp. 54–58.

12. Karagodin A. A. The First Internet conference on legal linguistics «Law as discourse, text, and word» / Forum / Message from 08.01.2011 [Pervaya Internet-konferentsiya po yuridicheskoy lingvistike «Pravo kak diskurs. tekst i slovo» / Forum / Soobshcheniye ot 08.01.2011]. URL: <http://konference.siberia-expert.com/forum/7-21-1>

13. Katznelson S. D. **Verbal and cogitative** processes [Rechemyslitelnyye protsessy]. Problems of linguistics, 1984. Vol. 4.

14. Kobozeva I. M. Linguistic semantics [Lingvisticheskaya semantika]. Moscow, 2009.

15. Kovtunova I. I. Modern Russian language. Word order and actual division of the sentence [Sovremennyy russkiy yazyk. Poryadok slov i aktualnoye chleneniye predlozheniya]. Moscow, 1976.

16. Mathesius V. About the so-called actual **division** of the sentence [O tak nazyvayemom aktualnom chlenenii predlozheniya]. The Prague linguistic circle: a Collection of articles. Moscow, 1967. P. 239–245.

17. Obalones N. V. The conflict of **text** interpretations in the aspect of the opposition of **event** and evaluation information (on a material of texts of Russian media) [Konflikt interpretatsiy tekstov v aspekte oppozitsii sobyitnoy i otsenochnoy informatsii (na materiale tekstov rossiyskikh SMI)]. Abstract of a thesis kand. filol. sciences. Kemerovo, 2012.

18. Paducheva E. V. The concept of the presumption in linguistic semantics [Ponyatiye prezumptsii v lingvisticheskoy semantike]. Semiotics and computer science. 1977. № 8.

19. Paducheva E. V. Statement and its correlation with reality [Vyskazyvaniye i ego sootnesennost s deystvitelnostyu]. Moscow, 1985.

20. Russell B. the Philosophy of logical atomism [Filosofiya logicheskogo atomizma]. Tomsk, 1999. P. 109–145.

21. The resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «About **common-law** practice on cases on protection of honor and dignity of citizens and business reputation of citizens and legal entities» [Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii «O sudebnoy praktike po delam o zashchite chesti i dostoinstva grazhdan. a takzhe delovoy reputatsii grazhdan i yuridicheskikh lits»] (№ 3, dated February 24, 2005).

22. Russian grammar: scientific works in 2 vols. [Russkaya grammatika: nauchnye trudy v 2-h tt.]. Moscow, 2005. Vol. 1, 2.

23. Samuseva A. E. Expert opinion from 01.04.2015 № 615/09-2 of the Volgograd laboratory of judicial expertise of Ministry of justice of the Russian Federation on civil case № 2-457/2015 [Zaklyucheniye eksperta ot 01.04.2015 № 615/09-2 Volgogradskoy laboratorii sudebnoy ekspertizy Ministerstva yustitsii RF po grazhdanskomu delu №2-457/2015].

24. Shchurova I. V. Expert opinion from March 23, 2011. The Materials of criminal case № 1-3/11, Kurgan [Zaklyucheniye spetsialista ot 23 marta 2011. Materialy ugolovnogo dela № 1-3/11, Kurgan].